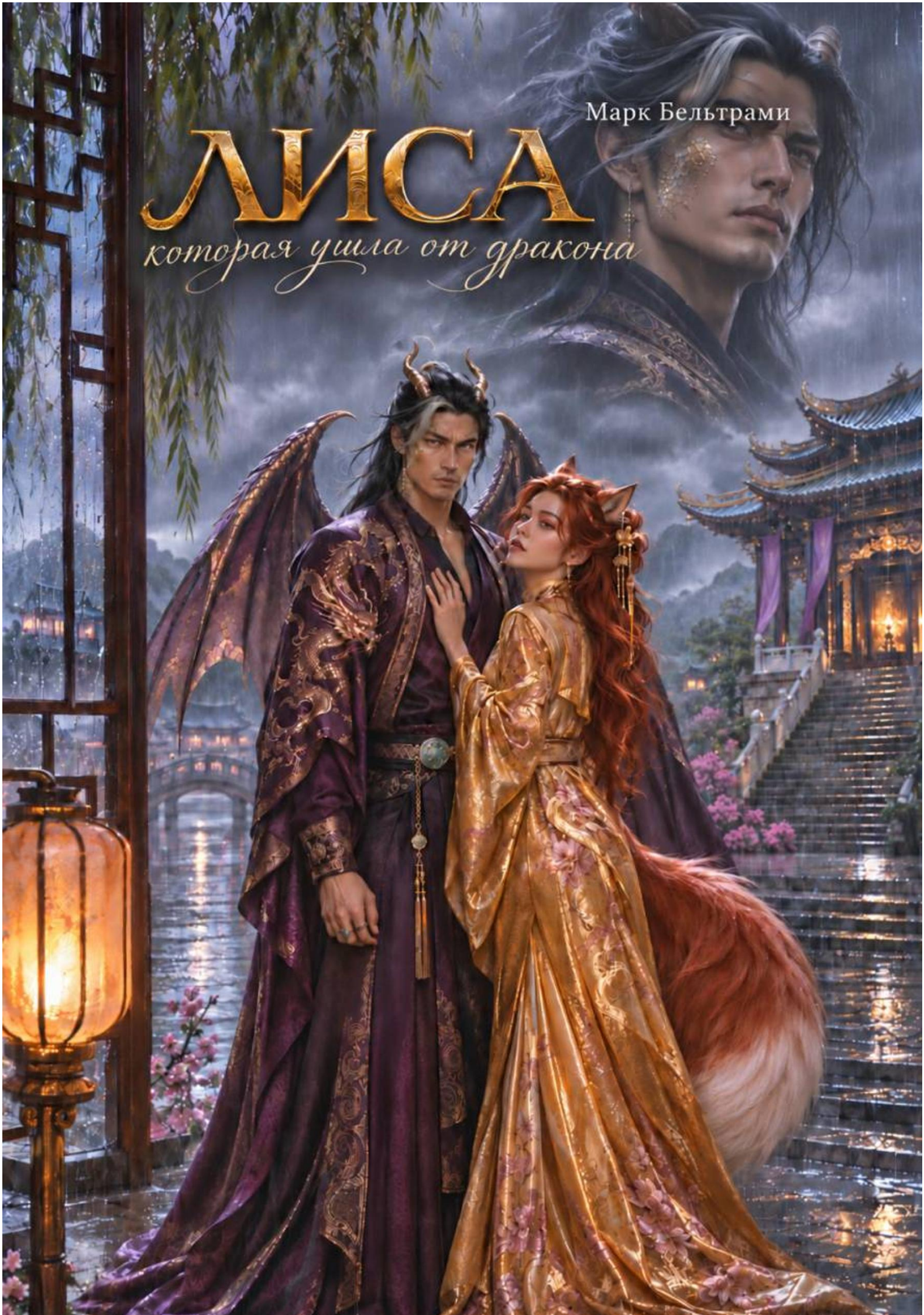

Марк Бельтрами
ЛИСА
которая ушла от дракона

Марк Бельтрами

Лиса, которая ушла от дракона

«Автор»
2026

Бельтрами М.

Лиса, которая ушла от дракона / М. Бельтрами — «Автор», 2026

«Я ухожу от тебя, Цзэхань. Я ухожу. Я ухожу». Три раза на ступенях храма, и колокол звонит. Развод совершён, и даже дракон не успевает меня остановить.Девять лет я была женой князя-дракона. Вела его дом, считала каждый цянь и молчала, когда он решал за всех. Потом двор прислал во дворец наложницу, и муж согласился, не спросив меня.Я видела, кто стоит за этим указом. Но попробуй докажи без свидетелей, когда ты бывшая жена, а закон на стороне тех, кто сидит выше.Теперь у меня десять дней, чтобы найти ремесло и поручителя, иначе ловчие уведут меня в тюрьму. Я открываю театр теней в чайном доме вдовы Чуньхуа. Билет стоит тридцать цяней, и тот, кто его купил, сам соглашается смотреть на иллюзию.Цзэхань больше не кричит. Он садится на последнюю скамью, смотрит так, будто видит меня впервые, и спрашивает, что я люблю. Я не знаю, что ответить.Чем он заплатит за то, что не услышал меня девять лет? И кто ждёт, пока дракон ослабнет?

© Бельтрами М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я ухожу от тебя 5
Глава 2. Лисе нужен поручитель 9
Глава 3. Входя, вы соглашаетесь быть обманутыми 13
Глава 4. Подписи не будет 17
Глава 5. Дождь, который не дошёл до реки 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Марк Бельтрами
Лиса, которая ушла от дракона

Глава 1. Я ухожу от тебя

– Я ухожу от тебя, Цзэхань. Я ухожу. Я ухожу.

Три раза, как велит закон, и каждый раз громче, чтобы услышали и жрица рядом, и толпа внизу, и тот, кто бежал ко мне по ступеням и не успел. Я стояла на верхней, тридцать третьей ступени храма Речной Матери, в своём лучшем синем платье, с пустыми руками, и колокол над головой ещё гудел так, что дрожали зубы. Меня зовут Ху Юэлин, мне девяносто четыре года, на вид двадцать пять, и последние девять лет я была женой Лун Цзэханя, князя-дракона провинции Шуйлань. По нашим законам жене дракона достаточно трижды сказать эти слова на ступенях храма при жрице, и муж ничего не может отменить, даже если очень хочет. А он, судя по морю лиц внизу и по тому, как он дышал, очень хотел.

Матушка Аньюй, бритая и сухая, с медным колокольчиком на запястье, подняла руку, и колокол смолк.

– Гхм. Дочь моя, слова сказаны трижды, колокол прозвенел, – сказала она так, чтобы слышали внизу. – Развод совершён. Ваша светлость, вы можете злиться, но под навесом, а то у меня от вашей погоды гаснут свечи.

Цзэхань остановился тремя ступенями ниже, и я впервые за всё утро как следует его разглядела. Чёрные волосы с серо-зелёной прядью у виска растрепались, на лбу блестела испарина, и дышал он как человек, который пробежал полгорода, потому что кто-то сказал ему, куда я иду. С чистого неба на мои рукава посыпалась мелкая злая морось, и в толпе внизу кто-то охнул: все знали, что это значит.

– Ты могла бы сказать мне это дома, Юэлин, за ужином, как говорила всё остальное, а не на ступенях перед половиной города, – сказал он очень ровно. – Теперь они все будут пересказывать это своим детям, и я не знаю, как мне объяснить людям, за которых я отвечаю, что моя жена выбрала для разговора толпу.

– Я говорила тебе дома, – ответила я, и, ох, голос всё-таки дрогнул, хотя я весь путь до храма репетировала ровный тон. – Ты не услышал. Храм слышит лучше.

Он хотел ответить, я видела, как у него дёрнулась щека, но слова не пришли, и морось пошла гуще. Я вынула из волос нефритовую шпильку с драконом, подарок со дня свадьбы, и положила её на ступень между нами, потому что всё это время она была единственной вещью во дворце, которую я не могла считать своей. Потом я пошла вниз мимо него, придерживая подол, и толпа расступалась передо мной с таким видом, будто я несла горячий котелок. Оглянулась я только у самой воды. Он стоял на ступени и поднимал шпильку так осторожно, словно она могла уплыть.

***

Начать надо с того, что я не дура и не плакса, хотя в то утро со стороны могла сойти за обеих. Девять лет я была удобной женой: вовремя подавала имбирный суп после каждого дождя, который ему приходилось звать, вела хозяйство, улыбалась гостям и ни разу не спросила, чего хочу сама, потому что он тоже ни разу не спросил. Я думала, что это такая форма любви. Потом в десятый день Четвёртой луны из столицы пришёл указ двора: поставить во дворец наложницу «для продолжения рода», а мы с Цзэханем девять лет жили без детей, и никто в этом не был виноват. Он согласился, не спросив меня, просто сказал за ужином, что так нужно, и передал соль.

Через пятнадцать дней приехала Ду Мэйхуа, дочь министра обрядов, тонкая, как её веер, с мозолями на пальцах от пипы и такими испуганными глазами, что я даже не смогла её толком возненавидеть. Вот это и было хуже всего. А в ночь на тридцатый день Четвёртой луны я, по привычке не спавшая и любопытная, как все лисы, пошла по дворцу в облике служанки и из-за ширмы в павильоне Орхидей увидела, как придворный лекарь Тингуан отдаёт Мэйхуа зелёную нефритовую шкатулку с журавлём на крышке. Рядом с ним на столе лежало письмо, он пробежал его глазами и пробормотал себе под нос три строки, а я успела и расслышать их, и разглядеть на бумаге: «по капле, три луны, не жалей его». Я не знала, что в шкатулке, но знала, что лекари и министры редко пишут так о чае с жасмином.

Я сказала Цзэханю наутро, и он поверил мне ровно до того мгновения, пока не понял, как именно я это узнала. В первый день Пятой луны он поймал меня в коридоре сквозь чужое лицо, посмотрел прямо и увидел всё: и служанкин чепец, и меня под ним. Он сказал, что лекарь лечит его целый год, что указ двора нельзя оскорбить подозрением и что я пришла к нему в обмане, а значит, ничего из того, что я говорю, нельзя считать правдой. А потом запретил мне чужие лица. Мне, которая девять лет носила их, как другие носят платки.

***

Собирала я только своё, и вышло немного: сундук с одеждой, ларец с лисьими красками и тряпичный узелок со всякой мелочью. Ни одной шёлковой подушки, ни одной серебряной ложки, ни одного платья, которое он дарил. Сяолань, моя служанка, круглолицая семнадцатилетняя девочка с двумя косами, вошла в комнату в тот момент, когда я укладывала сундук, и без единого слова начала складывать в свой узел пирожки, которые жевала всю дорогу из храма.

– Сяолань, тебе здесь жить и жить, – сказала я, отбирая у неё узел. – Дворцовая служба, сытный стол, никто не гонит. А я теперь буду бегать по городу и считать каждый цянь, понимаешь? У меня не будет даже собственной крыши.

– Госпожа, я за вами шла из деревни, когда вы ещё ничего не знали о князе, – ответила она, забирая узел обратно и утирая нос рукавом. – Я не для того зубрила, как вы любите чай, чтобы теперь его заваривать какой-то наложнице. Нет, и не уговаривайте, а то зареву на весь дворец.

Я хмыкнула и сдалась, потому что спорить с Сяолань, когда у неё дрожит подбородок, всё равно что спорить с рекой. Мы вынесли сундук на галерею, и там, на повороте к саду, у колонны, стояла Мэйхуа. Она держала поднос с белой чашкой, и от чашки шёл тонкий жасминовый пар, а лицо у неё было такое, будто её послали с этим подносом в клетку к тигру.

– Госпожа Юэлин, осмелюсь предложить вам чаю на дорогу, – сказала она тихо, и веер в её второй руке задрожал. – Простите, я не знаю, что говорят в таких случаях. Мне велели быть вежливой.

– Нет! – вырвалось у меня резче, чем я хотела, и поднос качнулся, а на белом лице Мэйхуа проступили красные пятна. – Простите, госпожа Мэйхуа. Я… ох, мне просто нельзя сейчас жасмин, у меня от него голова. Выпейте сами за моё здоровье.

Она поклонилась так низко, что веер стукнул о пол. А из дверей флигеля на нас смотрел Тингуан, пухлый, белорукий, в облаке камфоры, с лицом человека, который с удовольствием наблюдает, как падает не его посуда. Он поклонился мне вежливо, до приторности, и я прошла мимо, глядя перед собой, хотя пальцы так сжали ручку сундука, что ногти оставили на дереве полумесяцы.

***

У ворот меня уже ждал Вэньцзе. Худой, в очках на шнурке, с чернильными пятнами на пальцах, он стоял на солнце и выглядел так, будто его послали в бой с одной чернильницей. Рядом на тележке лежал тяжёлый мешок, перевязанный красной тесьмой.

– Юэлин, тут сто связок, – сказал он, не здороваясь, и протянул мне бумагу, где всё было записано его мелким, аккуратным почерком. – Его светлость велел передать, что это не подарок и не откуп, а то, что тебе причитается за девять лет. Он сказал именно так, слово в слово, и ещё сказал, чтобы я вернулся с мешком, только если ты швырнёшь его мне в голову.

– Вэньцзе, милый, мы знакомы девять лет, – ответила я и взяла его за рукав, потому что он смотрел виновато и очень несчастно. – Я бы никогда не швырнула мешок тебе в голову, ты и так тощий. Но я ухожу с тем, что принесла и что заработала сама, закон это позволяет, а мне это нужно. Скажи ему, что я никому ничего не должна и не хочу быть должна, и что имбирный суп в кладовой стоит на нижней полке, пусть не забывает его разогревать.

Вэньцзе вздохнул, поправил очки на переносице и, ничего больше не говоря, повёл тележку обратно во двор. Спина у него была совершенно побитая. Я постояла у ворот ещё минуту, прикидывая, сколько бы мы с Сяолань прожили на сто связок, и вышло, что примерно год. Хм, красивая цифра. Я повернулась и вышла из дворца, а за мной, подпрыгивая под тяжестью сундука, шла служанка, которой надо было бы остаться.

***

Из дворца до пристани мы шли через весь город, потому что нанять носильщика я не решилась: каждый цянь теперь стоял в очереди на учёт. Сундук мы тащили вдвоём, как два муравья одну гусеницу, и за нами по улицам ползли шепотки, которые я слышала лучше, чем хотела. Торговка лепёшками на углу вытянула шею и сказала соседке, что вот эта, рыжая, и есть бывшая княгиня, а соседка ответила, что на вид так себе, и что князю, мол, давно пора было менять. Я поправила на плече узел и сделала вид, что глухая.

– Госпожа, а можно я на них порчу напущу? – спросила Сяолань, пыхтя под своим концом сундука. – Маленькую. Чтобы лепёшки подгорели.

– Нельзя, – ответила я. – Порчу напускают лисы, у которых есть лицензия на порчу, а у меня сегодня нет даже собственной кровати. Идём, а то так и простоим до вечера, а я ещё должна придумать, как нам жить дальше.

На мосту через канал я остановилась перевести дух и увидела внизу лодочника, старого, с седой щетиной, который с трудом выгребал против течения. Он поднял голову, узнал меня и коротко поклонился, как кланяются людям, которым когда-то чем-то обязаны. Я вспомнила: прошлой осенью я разворачивала для его внучки в воздухе радугу на ярмарке, и девочка потом неделю не отходила от лодки. Хм, значит, не все в городе считают меня удобной женой. Кто-то помнит радугу.

***

Постоялый двор «Три карпа» стоит у самой пристани, и пахнет там рыбой, смолой и мокрыми канатами. Хозяйка, тётушка Жун, пятидесятилетняя, жилистая, считала на пальцах и делала это так быстро, что я бы позавидовала, если бы не была занята собственным торгом.

– Комната на втором этаже, окно на пристань, две кровати, – говорила она, загибая палец за пальцем. – Постель чистая, тараканов нет, крыс почти нет. Три связки в луну, ужин отдельно, и если вы лиса, то лисьими штучками чтоб ни-ни, у меня тут люди честные.

– Одна связка и пятьсот цяней в луну, а ужин мы берём с вами пополам, потому что я могу вам вечером устроить в зале картину с карпами, и постояльцы будут заказывать вдвое больше пива, – ответила я и поставила на стойку ларец с красками. – Иллюзия на всех, кто пьёт, с согласия хозяйки, о которой я сейчас спрашиваю. Вы согласны, тётушка Жун?

Она посмотрела на меня, перевела взгляд на сундук и вздохнула, будто я у неё украла последний пирожок.

– Две связки в луну, пиво пополам, картина три раза в неделю, – сказала она. – Ох, дочка, не знаю, кто тебя учил торговаться, но он бы тобой гордился.

Мы сошлись на двух. Свои пятьдесят две связки, которые я копила на ярмарках до замужества и пополнила жемчугом, я трогать не стала: тётушка Жун записала долг на дощечке и

согласилась ждать до конца луны. Потом мы с Сяолань сидели в комнате, на узкой кровати с лоскутным одеялом, и считали остаток. Сяолань загибала пальцы, как хозяйка внизу, и считала вслух, а я слушала и думала, что в ней есть что-то от Чуньхуа, хотя с Чуньхуа мы ещё даже не познакомились.

– Пятьдесят две связки, госпожа, – сказала она наконец и подняла на меня круглые мокрые глаза. – Это если не есть и не платить за комнату. А если есть, то я не знаю. Что мы будем есть, госпожа?

– Пирожки с рыбой, три цяня штука, – ответила я и, ой, неожиданно для самой себя расхохоталась, потому что она сидела с таким серьёзным лицом, а за окном орали чайки, и мне вдруг стало до того легко и до того страшно, что смех вышел с привизгом. – Сяолань, мы будем есть то, что заработаем. Я лиса, у меня три хвоста и ларец красок, девять лет я кормила князя имбирём. Неужели ты думаешь, что я не накормлю нас двоих?

Она шмыгнула носом и вытерла щёки.

– Думаю, накормите, госпожа. Только вы пока не знаете как.

И была права, чего я ей, конечно, не сказала.

***

Они пришли ночью. Я только-только уснула, свернувшись на краю кровати, и мне снилась тридцать третья ступень, на которой никак не кончалась лестница вниз. Стук был ровный, три удара, как стучат те, кто знает, что им откроют. Сяолань вскочила первой, я шикнула на неё, накинула верхнее платье и открыла сама.

В коридоре стоял человек в серой форме, высокий, с коротко остриженной головой и шрамом через левую бровь, а на поясе у него поблёскивал красный шёлковый шнур с узлами. Старший ловчий провинции. За его спиной маячили двое помощников, и один из них неловко отводил глаза, как будто ему было стыдно будить женщину среди ночи. Я знала этот шнур. Лисы знают его с детства, как люди знают волчий вой.

– Госпожа Ху Юэлин, – сказал он, и мне показалось, что голос у него усталый, но не злой. – Я Хаожань, старший ловчий. По закону о лисах, лиса без мужа и без рода обязана в течение десяти дней записаться в управе на Площади Весов, указать ремесло с лицензией судьи и найти поручителя из числа домовладельцев. Ваш развод совершён сегодня утром, колокол слышали все. Я обязан зачитать вам закон.

– Читайте, господин ловчий, раз обязаны, – сказала я, прислонившись к косяку, потому что ноги вдруг показались чужими. – Только скажите сперва: вы всех лис будите в полночь или мне особая честь?

– Всех, госпожа, – ответил он без тени улыбки и развернул бумагу. – Я бы не будил, но закон велит прийти в день развода. Если бы вы были лисой с мужем, я бы к вам не пришёл вовсе.

Он прочёл. Не торопясь, ровно, строчку за строчкой, и каждая строчка ложилась на меня как мокрая простыня: где записаться, у кого брать лицензию, сколько стоит, какие ремёсла разрешены лисам, какие нет. Иллюзия без согласия человека была запрещена, и это я знала лучше его. Но сама цифра, которую он назвал в конце, прозвучала в тёмном коридоре очень отчётливо. За моей спиной Сяолань тихонько всхлипнула.

– Десять дней, госпожа, – сказал Хаожань и аккуратно свернул бумагу. – На одиннадцатый я приду уже не с бумагой.

Глава 2. Лисе нужен поручитель

Сяолань встала раньше меня и раскладывала на подоконнике нашу будущую жизнь: пять пирожков с рыбой, горстку медных цяней и две связки, перетянутые бечёвкой, из тех, что я выдала ей на хозяйство. Она передвигала монеты пальцем, как фигуры в игре, и шевелила губами, а чайки за окном вопили так, будто делили её имущество без неё. Я сидела на кровати с кистью, которую одолжила у тётушки Жун, и переписывала на обрывок бумаги условия Хаожаня: ремесло, лицензия судьи, поручитель-домовладелец, десять дней. Теперь оставалось девять.

– Госпожа, а если нас не запишут? – спросила Сяолань, не оборачиваясь. – Я слышала у колодца, что лис ловчие запирают в подвале, где вода по щиколотку, и кормят только рисом без соли. Я рис без соли не ем.

– Тогда мы запишемся, – сказала я и поставила в конце листа жирную точку. – Бери пирожок и пошли, у нас сегодня по плану управа, рынок и вдова с домом, а у меня, между прочим, всего три хвоста, а дел на пять.

В управе на Площади Весов пахло сырой бумагой и чужими обидами. Очередь тянулась от дверей до самого двора, и в ней стояли торговки с корзинами, два лодочника, старик с курицей под мышкой и женщина, которая, судя по лицу, пришла жаловаться на соседа уже в сороковой раз. Когда дошла наша очередь, за столом обнаружился писарь, молодой, лет двадцати четырёх, с красным носом и мокрым платком в кулаке. Мо Ляньчэн, как значилось на дощечке перед ним, чихнул, посмотрел на меня сквозь слёзы и поинтересовался, чего же желает просительница.

– Записаться по закону о лисах, – сказала я. – Ремесло, лицензию и поручителя мне надо, а в какой последовательности, вы мне как раз и расскажете.

Писарь Мо высморкался и разложил передо мной три листа, по очереди тыча в них пальцем. Ремесло должно быть законным, лицензию на него выдаёт судья, поручитель обязан владеть домом в городе и согласиться отвечать за лису, если та что-нибудь натворит. Он говорил быстро и монотонно, как человек, который повторяет это в тридцатый раз за утро, а потом вдруг понизил голос и наклонился ко мне.

– Если вы не обидитесь, просительница, есть способ проще, – прошептал он. – Выйти замуж. Лиса с мужем в этом списке не числится, и никаких поручителей не нужно. Я видел, как три лисицы за одну луну так устроились, и все довольны. Это быстрее, чем ремесло, а главное, не надо ничего искать.

Несколько мгновений я просто смотрела на него. Потом из меня что-то вырвалось, не то фырканье, не то визг, и я согнулась пополам над его столом, уткнувшись лбом в лист с поручителями. Меня трясло так, что Сяолань испуганно дёргала меня за рукав, а в очереди за спиной зашептались. Я хохотала до слёз, настоящих, потому что вчера утром я как раз перестала быть чьей-то женой, а мне тут предлагают самый быстрый способ ею стать снова.

– Ой, простите, писарь Мо, – выдавила я, вытирая щёки. – Не обижайтесь. Просто вы очень добры, а у меня, знаете ли, сейчас особая чувствительность на это слово. Ремесло, поручитель, пойду искать.

Он смутился, покраснел до самых ушей и чихнул ещё раз, на этот раз так громко, что кто-то в очереди сказал «на здоровье».

***

На Рыбном рынке вонь стояла такая, что у меня щипало глаза, но именно там, среди ящиков, сетей и вёдер с чешуёй, и начало складываться то, что я потом называла своим планом. Я шла вдоль прилавков и думала. Лиса умеет облик, тени, картины в воздухе и звуки. Иллюзия на человека без его согласия запрещена, это преступление, за которое отправляют в подвал.

Но если человек пришёл сам, заплатил и сел смотреть, разве он не дал согласие? Дал. Другое дело, чтобы это согласие было закреплено так, чтобы ни один судья не придрался.

– Рыжая, ты чего столбом встала? Или вдова мужа ищешь? – раздалось с ближайшего прилавка таким голосом, что у меня дёрнулось ухо, настоящее, лисье, которое я, к счастью, успела спрятать. За горой окуней стояла плечистая женщина лет сорока в фартуке, весь перед которого был в чешуе, и разделывала рыбу ножом так, будто мстила ей за что-то личное.

– Я ищу ремесло и поручителя, – ответила я, подходя ближе. – А вы, я так понимаю, из тех, кто видит всё в этом ряду.

– Фан Цуйэр, – представилась она и, не отрываясь от рыбы, указала ножом через улицу. – Вон там «Ивовый ковш», видишь? Закрытый чайный дом, у вдовы Чуньхуа. Муж её, Лао Сун, умер прошлым летом, дом стоит как корабль без капитана, а долгов, говорят, на тридцать с чем-то связок. Она одна, крикливая, лис не любит, сдавать никому не хочет. Хочешь пойти и получить горшком по лбу, иди прямо сейчас.

– Цуйэр, а почему не любит лис? – спросила я.

– А она вообще никого не любит, кроме чайников, – фыркнула Цуйэр и бросила потрошёного окуня в таз. – Иди, рыжая, не бойся. Хуже ничего не будет, чем сейчас у тебя, я же вижу по лицу.

***

Чуньхуа оказалась крупной, красной, громкой, с руками в старых белых ожогах от чайников. Она вышла на порог мне навстречу с половником и, как только я открыла рот, замахала им так, что на землю посыпались капли.

– Лисам не сдаю! Нет! Слышишь, рыжая? Мне Цуйэр ещё утром донесла, что ты тут ходишь, разведённая, вся такая красивая, и нечего мне тут своими хвостами морочить людей! Дом мужнин, чайный, здесь пили люди, которые уважают порядок, а ты заколдуешь мне рис, а потом скажешь, что так и было!

– Тётушка Чуньхуа, давайте считать, – сказала я и подняла руки, чтобы показать, что у меня в них нет ни пирожков, ни хвостов, ни колдовства. – Аренда за две луны вперёд, восемь связок наличными, прямо сейчас. Ремонт зала за мой счёт, до последней щепки. Чай в антрактах ваш, и вся выручка с чая тоже ваша, до последнего цяня, я ни одной монеты не трону. У вас стоит пустой дом с долгом, у меня есть деньги и дело. Вам что, мало?

– Какое дело, лиса? – рявкнула она. – Какое такое дело вы все, лисы, затеваете?

– Театр теней. Билет, скамья, свет и экран. Зритель платит, садится и смотрит, и этим сам даёт согласие на иллюзию. Никакого обмана без согласия, всё по закону. – Я говорила быстро, потому что чувствовала: у меня есть одна минута, пока она не расхохоталась мне в лицо или не огрела половником. – Тётушка Чуньхуа, ну подумайте: пустой зал и долг, или зал, полный людей, и долг, который можно хотя бы начать отдавать.

Она замолчала. Было слышно, как на Рыбной улице торговки зазывают народ и как где-то на кухне стучит нож. Чуньхуа смерила меня взглядом с головы до ног, потом задрала подбородок и сказала:

– Нет. Всё равно нет. Иди отсюда, лиса, и не приходи.

Я ушла. Прошла полквартала, села на каменную тумбу и ощутила, как у меня в груди вместо огня образовалась зола. Сяолань села рядом и молча протянула мне последний пирожок. Мы жевали его по очереди, по кусочку, и это был самый невкусный пирожок в моей жизни.

***

Пятого дня я снова пришла к «Ивовому ковшу». Не с цифрами, а с пустыми руками, потому что за ночь придумала другое. Чуньхуа вышла на порог, уже без половника, и скрестила руки на груди.

– Опять ты? Я же сказала: нет.

– Вы сказали, что не любите лис, – ответила я. – А вы когда-нибудь видели лису по-настоящему? Не облик, не картину, не колдовство. Меня, какая я есть.

Она прищурилась. Из окна над ней выглянул сосед, сделал вид, что поливает цветок, и застыл.

– Покажи, – сказала она. – Если хочешь, чтобы я хоть пальцем шевельнула. Настоящее лицо. Без твоих штучек.

Я посмотрела на соседа, на Сяолань, которая замерла с открытым ртом, на пустую улицу. Потом закрыла глаза и отпустила то, что держала девять лет, а точнее девяносто четыре, потому что человеческий облик для лисы всегда немного тесен, как чужая обувь. Над головой у меня появились острые рыжие уши, за спиной, шурша, развернулись три хвоста, пушистых и тяжёлых, и один из них неловко задел ведро, стоявшее у порога.

Тишина длилась секунд пять. Потом Чуньхуа вдруг присела, хлопнула себя по бёдрам и захохотала так, что слёзы потекли по красным щекам, а сосед в окне уронил горшок.

– Ой-ой-ой, три хвоста! Три! – задыхалась она. – Лао Сун, Лао Сун, ты бы видел! Он, мой муж, покойник, обожал театр теней, представляешь? Каждый год на праздник ходил в соседний город смотреть, возвращался и всё про фигуры твердил. Вот я, дура, и не догадалась. Заходи, лиса, заходи, садись, у меня как раз чай не доеден.

Договор мы подписали шестого числа, в той самой комнате, где у Чуньхуа в углу висела связка сушёного чая, а на стене красовался потемневший портрет мужа с чашкой. Читала она его вслух, сама, ставила пальцем под каждой строчкой и переспрашивала меня по два раза, что значит «ремонт за счёт арендатора». Когда дошла до последней строки, подняла на меня глаза и стукнула кулаком по столу так, что подпрыгнул чайник.

– Лисе нужен поручитель, а поручителю нужны крепкие нервы. Я поручусь за лису, – сказала она, – но если ты хоть раз заколдуешь мне выручку, я сама сдам тебя ловчим вместе с хвостами, все три!

– Тётушка Чуньхуа, ох, да я скорее себя заколдую, чем вас, – ответила я и поставила под договором подпись, а потом отсчитала восемь связок, которые она пересчитала дважды, каждую монету проверяя на зуб. – Договорились. Только у меня одна просьба: не рассказывайте пока всем, что я лиса.

– Лиса, весь рынок уже знает, – сказала она. – Цуйэр рот не закрывает.

***

Мастера Цюя я нашла в лавке через два дома, где под потолком висели на нитках кожаные тени: рыбаки, цапли, стражники, девицы с веерами и один очень злой на вид бородатый старик. Старый кукольник, один глаз мутный, нож для кожи торчит из рукава так, словно он с ним родился. Он сидел за столом и вырезал что-то крошечное, не поднимая головы.

– Мастер Цюй, мне нужны фигуры, – начала я. – Много. Лиса, рыбак, дракон, обязательно дракон…

– Девочка, фигуры я не продаю, – сказал он, не отрываясь от работы. – Я их отдаю тем, кто понимает, зачем они нужны. Скажи мне, почему тень живее куклы?

Я села на табурет и принялась думать вслух. Кукла, объясняла я, живёт в руках кукловода, и зритель всё время видит эти руки, нити, палки. Он всегда помнит, что перед ним вещь. А тень, подсвеченная лампой и увеличенная на бумаге, не имеет веса, она может вытянуться, согнуться, исчезнуть и вернуться, а главное, у неё нет лица, которое можно проверить на правду. Зрителю остаётся его собственное воображение, и оно всегда работает лучше любого резчика.

Цюй поднял голову. Мутный глаз смотрел мимо меня, а зрячий прищурился.

– Хм. Неплохо для девочки, которая меня видит в первый раз, – сказал он и вынул нож из рукава, чтобы почесать им бровь. – Восемь связок за набор. И я сам приду вырезать, что ещё понадобится. А то ты мне в этих тенях намучаешься.

Я не обиделась, только отсчитала деньги и подумала, что за восемь связок мне достаётся и его глаз, и его нож, и его мнение. Дёшево.

***

Переезжали мы в тот же вечер, шестого, и Чуньхуа водила нас по дому с видом полководца, показывающего захваченный город. На втором этаже было три комнаты, в одной жила она сама, вторую она отдала Сяолань, а третью, с узким окном в сторону реки, мне, и при этом ворчала, что в ней дует, хотя дуло только из её собственной щедрости.

– Здесь спать, здесь, значит, мыться, во дворе колодец, воду тягать будете сами, – перечисляла она, топая по скрипучим доскам. – Кухня внизу моя, на кухню не лезть, там чайники нервные. Сяолань, ты девка здоровая, будешь мне помогать по утрам, я тебя прокормлю. А ты, лиса, не думай, что если ты теперь театральная хозяйка, то я тебе дам спать до обеда. Работа в этом доме с рассвета.

– Ой, тётушка Чуньхуа, а можно мне не вставать, пока не рассветёт по-настоящему? – жалобно спросила Сяолань, прижимая к себе узел. – У меня от рассвета на всё лицо отпечатки подушки.

– На всё лицо, значит, отпечатки? Ну ладно, значит, по-настоящему, – смилостивилась Чуньхуа и вдруг хлопнула Сяолань по плечу так, что та едва не села на пол. – Ты мне нравишься. Ты всё жуёшь, как мой муж, он тоже вечно что-то жевал и всех любил. Ешь, девочка, на кухне пирог с кабачками, я утром пекла.

Я стояла на пороге своей комнаты и думала, что новая жизнь, наверное, бывает именно такой: сквозняк, скрипучие доски и кабачковый пирог, который тебе отдают не потому, что ты должна его заслужить, а потому что ты вошла в дверь.

***

Поздно вечером я, измотанная до самых хвостов, стояла у того узкого окна и смотрела, как внизу загораются фонари. Далеко, за городом, на высоком берегу, светились огни дворца. Я нашла их по привычке, сама не заметив, и тут же отвернулась, но краем глаза всё равно заметила, как над Рыбной улицей, над крышей лавки Цуйэр, на мгновение собралась мелкая тихая морось и тут же растаяла.

В дверь постучали, и вошла Сяолань, с красным носом и узелком в руке. Она весь день бегала по городу, таская наши вещи из «Трёх карпов», а вечером ещё и обещала сбегать на дворцовую кухню, к подруге, забрать то, что я там оставила. Вернулась она растерянная.

– Госпожа, на дворцовой кухне говорят, что он вчера вечером сидел один и ничего не ел, – сказала она. – А ещё поварёнок, моя подруга, пересказала слова, которые он обронил при всех, и я до сих пор не знаю, как их понимать.

– Какие слова? – спросила я.

– Сказал, что узнает вас в любом лице, госпожа, – Сяолань шмыгнула носом. – Это он грозился или жаловался?

Глава 3. Входя, вы соглашаетесь быть обманутыми

Утром седьмого дня мы с Сяолань стояли на шатких лавках в зале «Ивового ковша» и сдирали со стен закопчённые свитки, которые висели здесь с тех пор, как Лао Сун открыл свой чайный дом. Бумага рвалась на лоскуты, пахла старым дымом и осыпала нас серой пылью, а внизу, уперев руки в бока, ходила Чуньхуа и ворчала над каждым куском.

– Этот не рви, его муж из столицы привёз! Ой-ой, ну куда ты пальцем ковыряешь, он же тонкий! А этот можешь, он и при жизни хозяина был страшный, я каждый год просила его снять.

– Тётушка Чуньхуа, если мы будем снимать их по очереди и гладить по голове, то откроемся к зиме, – ответила я, сворачивая очередной лист в трубку. – Здесь сорок лет копоти, и я совсем не уверена, что это стены, а не одна сплошная картина.

– Копоть, значит, – проворчала она и отряхнула передник. – А потом ты мне скажешь, что вся эта пыль делает чай слаще.

Мы вымыли зал по три раза, вынесли два воза старых лавок и один воз тараканьих гнёзд, о которых Чуньхуа до последнего уверяла, что они «не её». Плотники сколотили скамьи на шестьдесят мест, ряд за рядом, и самую последнюю, у стены, я велела сделать чуть шире остальных, сама не знаю почему. На сцену повесили экран из промасленной бумаги, а лампы расставили так, чтобы свет шёл сзади и не слепил зрителей. Ремонт обошёлся в шесть связок, лампы и экран ещё в четыре, и каждый вечер я записывала цифры на обороте старого договора, глядя, как тают мои связки.

Барабанщика мы нашли на рынке. Это был двенадцатилетний сирота без переднего зуба, по имени Шитоу, которого Сяолань выудила из-под прилавка с луком. Он согласился бить в барабан за еду и пять цяней в день, спросил, будет ли суп с мясом, и сразу улёгся спать на кухне, будто жил там всегда.

***

В управе на Площади Весов меня на этот раз принимал сам судья Пэй Юаньдэ, шестидесятитрёхлетний, с длинной седой бородой, которую он, пока думал, заплетал в косичку. Он сидел за огромным столом, заваленным свитками, и читал мою бумагу так внимательно, как будто искал в ней опечатку, а мне оставалось лишь стоять и теребить рукав.

– Лиса Ху, – произнёс он наконец, разглаживая косичку. – Театр теней. Это остроумно. Иллюзия без согласия запрещена, но согласие, выраженное покупкой билета, закон понимает. Ремесло подходит. Лицензия стоит две связки, но я выдам её при условии, что у входа будет висеть табличка, где зритель прочтёт, на что соглашается, прежде чем заплатит.

– Господин судья, и что на ней должно быть написано? – спросила я.

– Это вы придумаете сами, – ответил он, и мне показалось, что борода у него дрогнула от улыбки. – Но чтобы ни один человек не мог сказать, что не знал.

Я придумывала до самого вечера, лёжа на кровати и разглядывая потолок, и сочиняла самые нелепые варианты: «Здесь вам покажут чудо», «Не пугайтесь, это только свет», «Всё, что вы увидите, неправда». А потом вдруг поняла, что любая правда звучит лучше, и написала углём на куске бумаги: «Входя, вы соглашаетесь быть обманутыми». Утром Цюй вырезал её на доске быстрее, чем я успела допить чай.

Десятого дня, как положено, ничего не делали. Храмовые дни закрывают двери всем, и я просто сидела в зале на сцене, рассматривала голые доски и, хм, пыталась решить, что страшнее: что у меня ничего не выйдет или что выйдет.

Одиннадцатого дня меня записали в управе. Писарь Мо чихнул над печатью, шмыгнул носом и сказал, что поздравляет, а Хаожань, стоявший у стены со своим красным шнуром, коротко кивнул, будто закрывая страницу в большой книге. Десять дней, которые он мне дал,

ещё не вышли, но я уже была не беглой лисой, а лисой с ремеслом, с лицензией и с поручителем, и у меня подкосились колени от этой простой мысли.

***

Двенадцатого дня я стояла на лесах под потолком, в старой рубахе покойного хозяина, которую Чуньхуа выдала мне вместо рабочей одежды, и прибивала косую рейку над сценой, когда во входной двери раздался негромкий голос, и мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кто это.

– Юэлин.

Я всё-таки обернулась. Внизу, посреди зала, в пыли и стружках, стоял Цзэхань, в простом тёмном халате без княжеских знаков, и рядом с ним, чуть позади, Вэньцзе, который пытался слиться со стеной вместе со своими очками. Сяолань с тряпкой в руках замерла у скамьи и разинула рот. Чуньхуа, судя по грохоту на кухне, уронила что-то тяжёлое.

– Ваша светлость, – сказала я с лесов и, не торопясь, спустилась по лестнице, отряхивая руки. – Не ждала. Если вы пришли купить билет, спектакль открывается через два дня, но у нас пока нет ни одного места, которое не пахло бы краской.

– Я пришёл поговорить, и спектакль мне не нужен, – ответил он ровно, и я заметила, что на его плечах медленно оседает мелкая морось, хотя потолок над ним был сухой. – Вэньцзе, подожди за дверью, пожалуйста. Юэлин, я знаю, что ты не просила меня приходить, но я не могу оставить всё так. Ты живёшь в доме, где ещё вчера не было ни одной целой скамьи, а я не знаю, чем ты платишь за еду. Я предлагаю тебе дом с садом в соседней провинции, где никто не станет показывать на тебя пальцем, а ты отвечаешь мне так, будто я предлагаю тебе тюрьму.

– Ваша светлость, сад у меня уже был, – сказала я. – Девять лет.

Морось над ним стала гуще. Он молчал, и я видела, как у него на скулах ходят желваки, потому что он, видимо, ожидал благодарности, а получил вот это. Вэньцзе за дверью деликатно кашлянул, давая понять, что слышит всё.

– Я не понимаю, почему ты называешь меня «ваша светлость», – произнёс Цзэхань тише. – Девять лет ты звала меня по имени, а теперь…

– А теперь я разведённая лиса, у которой есть лицензия судьи, и вы мой князь, а не муж, – ответила я и, ох, почувствовала, как внутри что-то закипает и уже не остановить. – Я вам скажу, что не нужно мне ваших садов! Я девять лет жила в красивом доме и каждый день ждала, когда вы спросите, чего я хочу! Вы ни разу не спросили! А теперь пришли и решили за меня снова, только в другую сторону! Мне не нужен дом в соседней провинции, мне нужен этот зал, эти скамьи и эти лампы, понимаете? Этот чёртов зал с тараканами!

Я кричала, и голос эхом бегал по пустым стенам, а Сяолань нервно теребила тряпку, и Чуньхуа в дверях кухни застыла с поварёшкой наперевес. Цзэхань слушал, не двигаясь, и когда я закончила, в зале стало так тихо, что было слышно, как капает вода с его рукава.

– Хорошо, – сказал он наконец, и это было первое короткое слово, которое я от него услышала за много лет. – Я услышал. Я уйду.

Он развернулся, прошёл к двери, и Вэньцзе, стоявший за порогом и слышавший всё, виновато поклонился нам всем разом и поспешил следом. Снаружи, на Рыбной улице, на секунду стало темно, и над крышами пролилась короткая серая морось, мелкая, как пыль. А я стояла и тряслась, и сквозь эту дрожь пробивалась одна мысль: «хорошо». Он сказал «хорошо». Значит, ему действительно было очень плохо.

***

В тот же день Цюй принёс первую партию фигур. Он выложил их на стол в зале, бережно, как драгоценности: рыбак в соломенной шляпе, цапля, три девицы, купец и страж у городских ворот, и среди них, отдельно, дракон, длинный, изогнутый, с гривой из тонко надрезанной кожи. Я долго вертела его в руках и наконец сказала:

– Мастер Цюй, а хвост нельзя покороче?

– Покороче? – Он даже перестал чесать бровь ножом. – Девочка, это же дракон. У дракона хвост во сколько раз длиннее тела. Ты хочешь, чтобы он выглядел как свинья?

– Я хочу, чтобы он выглядел как обиженный, – ответила я. – Длинный хвост это гордость и достоинство, а короткий смешит. Мне нужно, чтобы зал смеялся, а не кланялся. И если уж на то пошло, пусть он будет наш, речной, а не столичный.

Цюй смотрел на меня одним зрячим глазом, потом хмыкнул, достал нож и одним движением обрезал хвост на две ладони. Дракон стал похож на очень достойного господина, которому в праздник наступили на подол, и Шитоу, сидевший на лавке, захохотал так, что едва не свалился.

Мы репетировали два дня. Лиса в моих руках была главной фигурой, кожаная, с тремя хвостами, рыжая, прозрачная на свет, и она двигалась быстрее, чем я успевала думать. Я отпускала часть иллюзии, и тень за экраном оживала сама: лиса поворачивала голову, чесала хвост, пела по-лисьи. Всё это, по правилам, было не дальше ста шагов от меня и держалось, пока я не засыпала. Чуньхуа сначала смотрела на репетицию, сложив руки, а потом села на последнюю скамью и перестала ворчать.

***

Накануне премьеры я не спала почти совсем. Ночью, когда дом затих, я вышла в зал и попробовала всё сразу: лампы, экран, лису, дракона, звук барабана, и к рассвету у меня тряслись руки, а в животе было так пусто, что хотелось съесть собственный рукав. Это цена иллюзии, голод и озноб, о которых лисы не любят рассказывать, потому что звучит не очень красиво. Сяолань нашла меня на сцене в одеяле, молча сунула в руки миску с горячим рисом и села рядом, глядя, как я ем.

– Ох, госпожа, а если никто не придёт? – спросила она, когда я доскребла дно. – Или придут и скажут, что фигуры плоские, а лиса вообще похожа на поросёнка?

– Тогда я буду петь им песни, пока не придут другие, – ответила я с набитым ртом. – Ну а если серьёзно, Сяолань, то вот что. Люди придут, потому что им любопытно, останутся, потому что смешно, и вернутся, потому что завтра у них опять будет тяжёлый день. Я не маг, я просто знаю, что людям иногда нужно, чтобы кто-то на бумаге сделал вид, будто всё можно обмануть.

Шитоу, который спал на кухне и как раз приполз за водой, прислушался, прищурился и важно заявил, что будет бить в барабан так, чтобы у всех зубы выпали. Шитоу улыбнулся во весь рот, показав щель на месте переднего зуба, и ткнул себя пальцем в качестве примера, и мы расхохотались втроём так, что Чуньхуа сверху застучала в пол половником.

***

Четырнадцатого дня к вечеру на Рыбной улице было так людно, будто объявили праздник. Билеты у Сяолань, которая сидела за маленьким столиком у входа с кассовой коробкой на коленях, разлетелись быстрее, чем она успевала считать. Скамья стоила тридцать цяней, стоя пятнадцать, и когда она села подсчитать выручку перед началом, оказалось, что зал полон под завязку, да ещё стоят в проходе. Над входом висела табличка, вырезанная кукольником: «Входя, вы соглашаетесь быть обманутыми». Люди читали её вслух, смеялись, показывали друг другу пальцами и всё равно заходили.

Спектакль назывался «Лиса и рыбак». Я придумала его за три ночи, и в нём не было ничего особенного: рыбак ловил лису, лиса его обманывала, он её ловил снова, лиса притворялась больной, потом богатой, потом его тёщей. Но когда за экраном заиграл барабан Шитоу и по бумаге поплыли тени, зал ахнул. Тени двигались сами. Рыбак ронял удочку, лиса вытаскивала её хвостом, дракон с обрезанным хвостом появлялся в конце, весь обиженный и важный, и зал взрывался хохотом. Кто-то в первом ряду топал ногами, кто-то вытирал слёзы, а старуха на третьей скамье подхватывала каждую реплику вслух, как будто смотрела этот спектакль всю жизнь.

В антрактах Чуньхуа обходила ряды с огромным медным чайником и разливала чай, и к концу вечера продала всё, что было в доме, включая заварку из старых запасов, которую не открывали с самой смерти Лао Суна. Когда последние зрители вышли на улицу, она села рядом со мной на край сцены, вытерла лоб подолом и посмотрела на пустой зал, на опрокинутые скамьи, на пролитый чай.

– Ну, Юэлин, – сказала она, и я вздрогнула, потому что она впервые назвала меня по имени. – Ты вот что. Ты не лиса, ты чудо какое-то. А я тебя, значит, чуть не выгнала. Давай уж на «ты», что ли. Мне так проще, а то язык устал выговаривать.

– Давай, тётушка Чуньхуа, – ответила я, и мне вдруг захотелось плакать, хотя причин вроде бы не было. – Я за тебя сегодня тоже ужасно рада.

После расчётов, с долгом тётушке Жун за «Три карпа» и двумя связками, что ушли у Сяолань на хозяйство, оказалось, что остаток у меня двадцать связок, и это была самая приятная цифра за последние две недели.

***

Ночью я осталась в пустом зале одна, потому что не могла заснуть. Сидела на последней скамье, обняв колени, и слушала, как в углу потрескивает остывающая лампа. Хотелось спать и хотелось, чтобы вечер не кончался, а в голове крутилось: тени двигались, люди смеялись, я сама, моими руками, моим голосом. Без чужого лица.

Дверь тихо скрипнула, и в зал, прикрывая ладонью свечу, вошла Сяолань. Она была в ночной рубахе, с растрёпанными косами, и в руке сжимала сложенный вчетверо лист.

– Госпожа, это вам. Оставили у двери, пока вы тут сидели, я нашла, когда пошла запирать, – прошептала она и протянула мне письмо. – Никого не видела. Только эта штука там лежала, прямо на пороге.

Я взяла его и повернула к свету. Плотная бумага, сложенная конвертом, запечатанная красным воском, и оттиск на печати был тонкий, чёткий, выполненный хорошим мастером. Я вгляделась в него, и пальцы у меня сразу похолодели.

На печати был журавль. Тот же, что на крышке зелёной шкатулки.

Глава 4. Подписи не будет

Печать я сломала прямо на сцене, под единственной лампой, которую мы ещё не погасили, и красный воск раскрошился мне на колени мелкой сургучной пылью. Бумага внутри была плотная, дорогая, исписанная ровным столичным почерком, а над моим плечом уже пыхтела Чуньхуа, которая спустилась со второго этажа на шорох, как привидение в ночной рубахе, и теперь читала через плечо, шевеля губами и тыча в строки пальцем.

– «Копия представления министерства обрядов его светлости князю Лун Цзэханю, – вполголоса зачитывала она, спотыкаясь на длинных словах. – Ввиду того, что разведённая лиса Ху Юэлин, не имея ни рода, ни мужа, учинила в городе Шуйлань публичное зрелище с применением лисьих чар, оскорбляющее обряд и достоинство дома дракона…» Ой, Юэлин, чего это они, а? «…ходатайствуем о её изгнании из пределов провинции в десять дней и просим князя подписать соответствующий указ». Подписать! Изгнание! Это что же, тебя выгонят?

– Если он подпишет, то выгонят, – сказала я и перечитала строку ещё раз, потому что с первого прочтения слова расползлись, как чернила под дождём. – Хм. Это не жалоба и не донос, это представление министерства. Значит, у них есть право просить, а он должен ответить. Он может подписать, а может нет, но если не подпишет, придётся объяснять двору, почему.

– А кто «они»? Министерство большое, там сто человек сидит. – Чуньхуа сощурилась и вдруг дёрнула меня за рукав. – Погоди. А ну дай сюда печать. Журавль? Журавль, а?

Она выхватила у меня кусок воска, поднесла к лампе и долго рассматривала, и лицо у неё менялось: сначала растерянное, потом сосредоточенное, потом тревожное. Я никогда не видела, чтобы Чуньхуа так долго молчала.

– Герб, – сказала она наконец. – Семья Ду, министр и родня его. Журавль на серебре, у них везде. Мой Лао Сун как-то чай возил в столицу, видел у одного из них в доме, потом весь вечер ругался, что у них там даже кошки с гербами. Дочь министра, значит, наложница эта княжья? Так это отец её, значит, написал.

Тогда в голове у меня что-то сложилось, будто кто-то выложил на столе фигуры и показал, как они стоят. Журавль на печати и журавль на шкатулке. Письмо «по капле, три луны». Министр, который не просто хочет выпроводить разведённую лису из города, а хочет, чтобы я не оказалась рядом, когда начнётся то, что, возможно, уже началось. Мне стало очень холодно, хотя в зале было душно, и пальцы, державшие бумагу, мелко затряслись.

***

Утром пятнадцатого, не доспав и трёх часов, я пошла ко дворцу. Не в чужом лице, не по иллюзии, а в собственном, в синем платье, с рыжими волосами, заплетёнными в простую косу. У ворот на меня, наперерез вышел начальник стражи Ло Пин, тот самый, с усами подковой, которого девять лет я угощала на праздниках пирожками и о котором знала всё, вплоть до имени его тёщи.

– Госпожа Юэлин, – сказал он, расставив руки, как будто я собиралась проломить ворота. – Вы простите, вам нельзя. Приказ. Лисам, разведённым, и всем, кто… ну, в общем, вы понимаете. Его светлость ничего такого не говорил, но Вэньцзе сказал, что лучше не пускать, а я человек подневольный, у меня жена и трое детей.

– Ло Пин, у тебя жена и двое детей, а третьего ты ждёшь весной, – сказала я устало. – Я не буду ломиться, не бойся. Позови Вэньцзе, пожалуйста. Я подожду здесь. Хоть до вечера.

Ждать пришлось недолго. Вэньцзе выбежал из ворот, поправляя очки на ходу, весь в чернилах, и сразу взял меня за локоть, уводя от сторожевой будки под большое дерево, где нас не слышали.

– Юэлин, ты что, с ума сошла? – зашептал он. – Приходишь днём, на глазах у стражи, а его светлость, между прочим, как раз сегодня разбирает бумаги из столицы. Ты знаешь, что там?

– Знаю, – ответила я. – Копию мне подбросили. Вэньцзе, слушай меня очень внимательно и не перебивай, а то я не смогу это сказать. В ночь на тридцатое Четвёртой луны я видела, как Тингуан в павильоне Орхидей передавал Мэйхуа зелёную нефритовую шкатулку с журавлём на крышке. Рядом лежало письмо. Я прочла три строки: «по капле, три луны, не жалей его». Это герб семьи Ду. А теперь у меня такая же печать на письме из министерства. Я не знаю, что в шкатулке, но знаю, что его светлость пьёт по вечерам чай, который заваривает Мэйхуа.

Вэньцзе молчал, и это молчание было таким долгим, что я успела сосчитать лепестки на упавшей ветке. Потом он снял очки, потёр переносицу и надел их обратно.

– Юэлин, – сказал он тихо. – Ты же понимаешь, как это звучит. Дочь министра, которую привёз указ. Придворный лекарь, который лечит его светлость целый год. Ты говоришь, что они… – Он осёкся. – Он не поверил тебе в первый раз. И я бы, наверное, не поверил. Прости. Мне нужно время.

– Я не прошу верить, – сказала я. – Я прошу посмотреть. У него по утрам холодные руки? Не от погоды, а так, будто он только что из реки.

Он открыл рот, закрыл, и по лицу его, по тому, как он отвёл глаза, я поняла, что попала.

– Холодные, – признал он совсем тихо. – Он сам говорит, что просто устаёт от дождей. Но, Юэлин, я не могу прийти к нему и сказать, что его чай отравлен, на основании того, что ты видела через ширму в чужом облике. Он мне голову оторвёт. А потом ещё и подпишет изгнание, просто чтобы я замолчал.

Я хотела сказать что-то резкое, но увидела, как у него дрожат пальцы с чернильными пятнами, и поняла, что ему сейчас хуже, чем мне. Он не враг, он просто человек, которого тянут в разные стороны.

– Тогда просто смотри, – сказала я. – Утром, на руки, на кашель, на то, как он дышит. Я не требую ничего больше.

– Посмотрю, – пообещал Вэньцзе и пошёл обратно к воротам, не оглядываясь.

***

Шестнадцатого утром, когда я уже собиралась идти разбираться с остатками краски, ко мне на кухню ввалилась Цуйэр, в фартуке, который, кажется, носили вместе с ней с рождения, и с мокрой корзиной ещё живых карасей. Она поставила корзину на пол, уселась на табурет, который под ней жалобно скрипнул, и заявила, что по всей улице только и разговоров о том, что у вдовы театр, а у рыжей с утра лицо как у покойницы.

– Цуйэр, я не спала всю ночь, – сказала я. – Мне пришло письмо от министерства. Хотят выгнать меня из города.

– Ой-ой, и чего ты молчишь? – всплеснула она руками, и караси в корзине шлёпнули хвостами. – А ну рассказывай! Я, конечно, ничего не смыслю в министрах, мне хватает карасей, но шума в рыбном ряду я подниму столько, что твой министр пожалеет, что вообще родился. Нин Сюй, наш старейшина, тоже всех соберёт.

– Не нужно шума, – ответила я. – Шум им как раз на руку: скажут, что лиса баламутит город. Ты лучше, Цуйэр, ходи на спектакли, как ходила, и пусть все видят, что на Рыбной улице живёт самый обычный театр. Закон сильнее, когда его защищают многие, а не когда на него кричат.

Цуйэр подумала, нахмурилась так, что фартук съехал набок, и вдруг, тихо, совсем непохоже на себя, сказала:

– Ты, рыжая, всё-таки странная лиса. Другая бы бегом бежала, а ты вон, рассуждаешь. Ладно, будем ходить, я своих баб приведу, они у меня две сотни. Только пирожки с рыбой у Чуньхуа бери, а то в антракт у неё мало, а я недорого.

***

Семнадцатого вечером, когда зал уже опустел после дневного сеанса и Сяолань уносила кассовую коробку в комнату, я вышла на сцену подправить лисьи хвосты. Лампа горела одна, у экрана, и тени на бумаге казались живыми и усталыми. Скрипнула дверь. Я не обернулась, потому что знала шаг. Девять лет его шаг слышала через три комнаты.

– Ваша светлость, – сказала я экрану. – Сегодня закрыто. Если вы за билетом, приходите завтра.

– Я пришёл один, Юэлин, – ответил он. – Без Вэньцзе и без стражи. Я хотел сказать тебе до завтра, чтобы ты не слышала этого от других людей. Я не подпишу.

Тогда я всё-таки обернулась. Цзэхань стоял у третьего ряда скамей, высокий, в тёмном халате, с серо-зелёной прядью у виска, которая казалась в свете лампы почти серебряной. Он выглядел усталым. Я заметила это сразу, как замечают трещину в любимой чашке, и мне вдруг очень сильно захотелось, чтобы он сел.

– Я не подпишу этого не потому, что ты права, Юэлин, а потому, что закон дал тебе право уйти, и я не позволю министру решать, что делают с законами моей реки, – сказал он, глядя не на меня, а на кожаного дракона, который висел на нитке за экраном. – Ты не обязана этому радоваться. Это не ради тебя, это ради закона. Если бы я подписал, пришлось бы объяснять самому себе, почему князь выгоняет человека за то, что тот купил лицензию судьи.

– Ну что вы, ваша светлость, я и не радуюсь, – сказала я, подходя к краю сцены. – Я просто потрясена вашей принципиальностью. Не каждый день можно услышать от дракона, что он выше собственных чувств.

Он не ответил на шутку. Он всё смотрел на дракона, а потом уголок его рта дрогнул, и я поняла, что он заметил хвост.

– Он у тебя без хвоста, – сказал Цзэхань.

– Не без хвоста, а с коротким. Это художественное решение, – ответила я как можно серьёзнее. – Мастер Цюй вырезал по всем правилам, а я заставила укоротить. Зрителям нравится. Кто-то решил, что это сатира на двор.

– А это сатира на двор? – спросил он, и я с изумлением увидела, как он сдерживает улыбку.

– Нет, ваша светлость, это сатира на гордость, – сказала я. – Он очень гордый и очень обиженный. Не знаю, откуда у меня такие герои.

Мы помолчали. Он не уходил, а я не знала, что делать с руками, и стала поправлять кожаную лису, которая и так висела ровно. Потом он осторожно заговорил о другом:

– Юэлин, я хотел спросить. Ты в последнее время пьёшь что-нибудь, что тебе дают чужие люди? Чай, воду? Живёшь теперь в чужом квартале, мало ли что.

– Это вы меня спрашиваете, ваша светлость? – Я не удержалась. – Вы, который каждый вечер пьёт чай, заваренный тем, кого мы оба знаем? Я бы на вашем месте спрашивала о другом.

Тут в зале стало очень тихо, и морось появилась над скамьями, мелкая, как будто небо долго сдерживалось и вот не выдержало.

– Я не стану это обсуждать, – сказал он, и голос его стал ровным до холода. – Чай заваривает Мэйхуа по обряду, как заваривала бы любая жена в её положении, и отказ от него оскорбил бы указ двора. Тингуан осматривает меня каждый день, и я не нахожу причин ему не доверять. Подписи не будет, но и твоих обвинений я тоже не приму. Если ты снова хочешь обвинить в чём-то гостью, поставленную указом, то закон тебе этого не позволяет, и ты сама это знаешь.

– Знаю, – сказала я. – Закон мне много чего не позволяет. Но руки у вас всё равно холодные, ваша светлость. Вэньцзе мог бы потрогать.

Он смотрел на меня несколько мгновений, и в глазах цвета речной воды что-то мелькнуло, не гнев и не удивление, скорее испуг, который он сам себе не позволил. Потом развернулся и вышел из зала, а морось ещё долго висела над скамьями и стучала по моей кожаной лисе.

***

Восемнадцатого дня на последний сеанс вошёл тихий вежливый посетитель в светлом халате, пахнущий камфорой. Он сел на второй скамье, ровно по центру, и просидел всё представление с сосредоточенным лицом, ни разу не засмеявшись, а когда лисьи тени разыгрывали сцену с рыбаком, он поглаживал пухлыми белыми руками колени, как человек, считающий что-то про себя. Я узнала его раньше, чем увидела: Тингуан. Придворный лекарь.

Когда зал опустел, он подошёл к сцене, придерживая халат, и вежливо поклонился.

– Госпожа Юэлин, какая приятная неожиданность, – сказал он голосом сладким, как переспелая груша. – Я давно хотел заглянуть и вот наконец выбрал время. Очень остроумно, очень тонко. Никогда бы не подумал, что столько жизни можно вложить в куски кожи. Позвольте поинтересоваться, как ваше здоровье?

– Спасибо, лекарь Тингуан, неплохо, – ответила я. – Вы ведь не для того пришли, чтобы справляться о моём здоровье.

– Увы, вы проницательны. – Он вздохнул, и камфорный запах ударил мне в нос. – Дело в том, что квартал у реки сырой, а лисы, знаете ли, при такой сырости часто болеют. Мне было бы тяжело узнать, что вы страдаете, живя в таких условиях. Поэтому ваши друзья, люди, которые вам желают добра, просили передать вам немного средств. Это не подарок, а просто забота. Скажем, сто связок, и вы смогли бы переехать в более сухое место, подальше от реки. А лучше от города.

– Какие друзья? – спросила я, и голос у меня стал очень тихим.

– Не имею права называть. – Он развёл руками. – Но они искренне беспокоятся.

Я поняла, что он делает: он предлагал деньги за отъезд, красиво, мягко, так, чтобы я не смогла потом сказать, что меня подкупали. Я подумала про сто связок, которые уже один раз отвергла у ворот дворца, и в голове мелькнула дикая мысль, что в этом городе ещё никто не пытался меня выгнать, не завернув это в заботу. Я улыбнулась, насколько хватило сил.

– Передайте друзьям, лекарь Тингуан, что я очень тронута, – сказала я. – Но у меня сухо, тепло и достаточно денег. А река мне нравится. Особенно по вечерам.

Он ещё раз поклонился, без тени обиды, всё с той же мягкой улыбкой, и вышел, оставив в воздухе запах камфоры, который выветривался до самого утра. Я стояла посреди зала и понимала, что у меня больше нет сомнений: он враг, явный, спокойный, терпеливый. И, возможно, самое страшное в нём было то, что он ни разу не повысил голос.

***

В эту ночь я долго не могла лечь. Сидела на подоконнике своей комнаты, смотрела на огни дворца и крутила в пальцах оборванную нитку, пока она не превратилась в крохотный комочек. Было бы так просто пойти туда в чужом лице, в облике служанки или поварёнка, пробраться в павильон Орхидей, найти шкатулку, схватить, показать. Я уже представляла, как ставлю её на стол перед Цзэханем: вот, смотри.

Но он предупреждён. Дракон, который ждёт обмана и смотрит прямо, видит сквозь любую иллюзию, а иллюзия без согласия на чужой земле считается преступлением, и тогда меня заберёт Хаожань с красным шнуром, и никакой театр не поможет. Мэйхуа заварит чай, Тингуан улыбнётся, Цзэхань скажет «я предупреждал». Я отложила нитку.

Утро выдалось тёплым, и из окна было видно, как по реке плывёт лодка, тяжело и медленно, потому что вода за последние дни заметно опустилась. Через неделю наступал Праздник Первого Дождя, и князь должен был звать его над набережной при всём городе, и я подумала о его холодных руках, о той мороси, которая стала появляться чаще, чем нужно, и о хрипотце, которую я уловила в его голосе, когда он уходил.

Если яд работает, двадцать пятого его увидит весь город.

Глава 5. Дождь, который не дошёл до реки

Утром двадцать пятого дня Пятой луны я надела своё лучшее платье, цвета спелой сливы, с серебряной нитью по подолу, и сказала себе, что иду на праздник как все нормальные горожане. Я была в своём лице, с родинкой под левым глазом и рыжими волосами, которые Сяолань час заплетала и закалывала, потому что на этот раз я не собиралась прятаться. Если уж весь Шуйлань будет шептаться за моей спиной, то пусть хотя бы видит, что у лисы, которая смешит его по вечерам, есть приличное платье и прямая спина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.